

Чу Чжэн открыл глаза. Вокруг царила темнота, стояла такая тишина, что было слышно лишь собственное дыхание. Оставшийся в теле неизвестный дурман продолжал действовать: тело хоть и чувствовалось, но в нём не было ни капли сил, а лёгкое головокружение и ощущение невесомости создавали иллюзию, будто он застрял в одиноком кошмаре.

Поняв, что его отравили каким-то зельем, он успел лишь перед самой потерей сознания раскусить секретную Таблетку Очищения Сердца, которую заранее прятал под языком как средство против любых ядов.

Кто бы мог подумать, что снотворное, использованное Линь Цань, окажется настолько зловещим. Безотказные прежде Таблетки Очищения Сердца лишь на мгновение вернули ему ясность рассудка, но не смогли полностью нейтрализовать действие яда. Даже выигранного ценой боли от самоистязания времени хватило лишь на то, чтобы расправиться с тремя людьми, после чего сопротивляться отраве стало невозможно.

Чу Чжэн думал, что его снова ждёт провал задания и принудительная эвакуация, но неожиданно услышал голос Системы: «Задание: помочь Чу Хуайаню удержать Государство Ните. Успешно. Задание: защитить Чу Хуайаня по возвращении в Государство Ните».

После этого он окончательно потерял сознание.

Вспоминая последний взгляд, которым они обменялись с Линь Цань, Чу Чжэн начал жалеть, что в порыве гнева свернул шею его подручным.

Всё было уже почти у него в руках, но Линь Цань переломил ход игры с помощью снотворного. Вспомнив же, как тот NPC, даже будучи прижатым к полу, продолжал строить глазки Чу Хуайаню, Чу Чжэн, уже почти забывший, что такое гнев, всё же разозлился. Итогом этой злости стала безрассудная и провальная попытка контратаки.

Эх! — едва слышно вздохнул Чу Чжэн. Будь рядом Чу Цяньцян, она бы наверняка с воплем подпрыгнула и закричала: «Чу Чжэн, ты оказывается умеешь вздохнуть!»

За свои двадцать лет в реальном мире Чу Чжэн так и не стал ребёнком, которого все любят: молчаливый, не выражающий эмоций, любящий развлекать себя сам, избегающий любых физических прикосновений и при этом лишённый каких-либо потрясающих талантов, какие бывают у угрюмых гениев из фильмов. В школьные годы, если бы не старшая сестра и её глуповатый подпевала Чжэн Ми, он бы на все сто процентов стал жертвой буллинга.

Сейчас он был заточён в ловушку, но раз не пришло уведомление о провале задания, значит, Чу Хуайань в полной безопасности, и всё, что оставалось делать — это терпеливо ждать.

Вот только Чу Чжэн не знал, что это ожидание продлится целый год.

В то время Линь Цань, приведя братьев во дворец, вопреки возражениям министров определил Чу Хуайаня, взятого в заложники, в компаньоны к своему восьмилетнему старшему сыну. Согласно воспоминаниям присутствовавших тогда евнухов, правитель стучал кулаком по столу и ревел: «Если он не войдет во дворец как компаньон для учебы, я женюсь на нём по всем правилам и введу в свой гарем!»

Так пятнадцатилетний Чу Хуайань вошёл во дворец в качестве товарища по учёбе для старшего принца.

А Чу Чжэня Линь Цань бросил в глубокое подземелье дворца, куда не смел заходить никто, кроме него самого и нескольких доверенных лиц из Теневой стражи.

Просто следите за ним, чтобы не сдох — таков был приказ Линь Цаня. — Без моего разрешения ни слова ему не говорить! Пусть задохнется взаперти!

И это заточение продлилось ровно год. Если бы Чу Хуайань и Лин Эр не исчезли вместе в районе Древнего леса Гуцан на юго-восточной границе Государства Уинь, Линь Цань действительно собирался продержать того неблагодарного лысого пса взаперти еще пару лет.

Что же до того, почему Чу Хуайань, который должен был оставаться во дворце, пропал на далекой границе, — все началось месяц спустя после прибытия Чу Хуайаня в Государство Уинь, с обычной непринужденной беседы, которую завел Линь Цань.

Летним днем лучше всего было прятаться в прохладной комнате, где для понижения температуры расставляли глыбы льда, и позволять красавице обмахивать себя веером. В реальной жизни Линь Цань едва ли смог бы усидеть на месте в четырех стенах, но здесь, в игре, ему приходилось разбирать горы государственных дел, иметь дело с министрами и успокаивать целый гарем наложниц. Естественно, выпади у него редкая возможность уединиться, он спрятался бы так, чтобы никто его не нашел.

Правда, в последнее время в личных покоях Линь Цаня поселился Чу Хуайань. И хотя прежнего потрясения от первой встречи уже не было, каждый раз при виде юноши на душе становилось радостно, так что Линь Цань с удовольствием звал Чу Хуайаня поболтать, чтобы поднять уровень благосклонности.

— Какую книгу ты в последнее время читаешь? — Линь Цань помнил, как слуги докладывали, что Чу Хуайань увлекся чтением различных путевых заметок.

— Кое-какие записки о путешествиях, — не стал скрывать Чу Хуайань. Опустив голову, он чистил для Линь Цаня тарелку винограда, а очистив ягоду, протягивал ее ему.

Приняв виноград и проглотив его целиком, Линь Цань выплюнул косточку в пустой поднос, который держала прислуживавшая дворцовая служанка:

— Что интересного может быть в каких-то путевых заметках?

Стоило зайти об этом речь, как у Чу Хуайаня появился энтузиазм:

— Там описаны крутые горные вершины и бескрайние моря, леса, чьи кроны закрывают небо, и дикари в звериных шкурах, живущие в пещерах. Если поплыть на большом корабле вниз по течению реки, то и за месяц не доберешься до конца.

— Хочешь взглянуть? — Сам Линь Цань, хотя и был юношей, только что сдавшим государственные экзамены, в этой игре уже считал себя двадцатилетним молодым человеком. Перед лицом этого пятнадцатилетнего NPC он чувствовал себя старшим.

— Угу, — кивнул Чу Хуайань.

— Среди Теневой стражи есть те, кто странствует повсюду и собирает вести о красавицах в разных уголках земли. Если ты действительно хочешь поехать и посмотреть мир, этот ван может позволить тебе отправиться в путь вместе с ними. — Хоть у Линь Цаня и была уверенность на девяносто девять процентов в том, что выполнение его задания напрямую связано с сидящим перед ним юношей из народа Ните, он все же не прекращал работу Теневой стражи. И вовсе не из-за истинной страсти к красоте, а просто по привычке.

На этот раз Чу Хуайань искренне обрадовался и чуть не опрокинул тарелку с виноградом. Замешкавшись, он неуверенно произнес:

— А можно мне с императорским братом?

— Нельзя! — Линь Цань заранее знал, что стоило завести речь о Чу Чжэне, как на этом разговор можно было заканчивать.

Привыкший к тому, что при упоминании Чу Чжэна ему всегда отказывают, Чу Хуайань уныло поднялся и ушел, даже не дожидаясь, пока Линь Цань прикажет ему удалиться.

Подобное повторялось уже много раз, и каждый раз это заставляло сердце Линь Цаня смягчаться.

— Ровно через месяц Лин Эр вернется с докладом о выполнении задания. Отправишься в путь с ней, а когда вернешься, этот ван отведет тебя повидаться с Чу Чжэном. Чу Хуайань уже было переступил порог одной ногой, но, услышав эти слова, тут же вернулся и отвесил Линь Цаню глубокий поклон:

— Благодарю Вас, Ваше Величество!

Глядя на радостного Чу Хуайань, Линь Цань почувствовав, как его настроение, испортившееся от одного лишь упоминания Чу Чжэна, заметно улучшилось. Он бросил в Чу Хуайаня манго и

отпустил его собираться в дорогу.

Стоило Чу Хуайаню уйти, как прислуживавшая ему горничная, что обмахивала его веером, полагаясь на то, что уже долго служит правителю, осмелилась напомнить:

— Ваше Величество, господин Лин Эр вернется не раньше чем через полгода, а то и через три-пять лет.

Линь Цань самодовольно усмехнулся:

— Этот ван знает.

Он просто хотел помучить этого лысого ублюдка еще несколько дней.

Когда пришло время Чу Хуайаню отправляться в путь с Лин Эром, Линь Цаню стало немного жаль расставаться с ним. Игнорируя закатывающие до самого неба глаза Лин Эра, стоявшего рядом, он никак не отпускал руку Чу Хуайаня, наставляя его писать почаще, следить за тем, чтобы маскировка на лице не сползала, и беречь тот самый меч, привезенный из Государства Ните.

Вскоре письма от Чу Хуайаня стали приходить реже: вместо пяти-писем в месяц — всего два-три. Дело было не в том, что он писал меньше, просто дороги становились все дальше.

Прежде Линь Цань никогда не испытывал ничего подобного. Они переписывались совсем как обычные друзья: один рассказывал об увиденном в дороге, другой спрашивал, не нужно ли чего, и они делились забавными происшествиями.

Оба молчаливо избегали упоминания Чу Чжэна.

Так продолжалось целый год, пока Лин Эр и Чу Хуайань не пропали без вести в районе Древнего леса Гуцан, причем часть отправленных на их поиски людей также загадочно исчезла.

— Лин Эр на этот раз услышал, будто на юго-восточной границе, в Древнем лесу Гуцан, кто-то обнаружил Траву Чистого Пруда, и направился на юго-восток, совмещая сбор информации о красавицах с поисками. Вот только через три дня после того, как их отряд вошел в древний лес, от них не поступало никаких вестей. Отправленные на поиски люди либо возвращались ни с чем, либо тоже таинственно исчезали, — доложил Линь Цаню Лин И.

— Подходящей замены для Лин Саня еще не нашли, а теперь еще и Лин Эр пропал. Лин И, скажи, не твой ли нынче год рождения по зодиаку? — глядя на беспристрастное лицо Лин И, невозмутимого даже при рушащейся перед ним горе Тайшань, Линь Цань не удержался и решил немного подразнить его.

— Смысл существования нашей Теневой стражи — умереть за Ваше Величество.

— Но раз сейчас ни живых, ни мертвых не видно, что делать? Кстати, неужели Чу Хуайань тоже тайком увязался за ними? — Линь Цань вдруг вспомнил, что в последнем письме Чу Хуайань жаловался, будто Лин Эр и остальные собираются оставить его одного в маленькой деревушке на краю леса, и он ужасно расстроен. Тогда Линь Цань даже ответил ему письмом, пытаясь утешить.

— Молодой господин Чу действительно тайком последовал за ними.

Тут Линь Цань уже не смог оставаться спокойным:

— Усилить поисковые отряды! Искать! Переверните эту проклятую рощу вверх дном, но найдите его!

Стоило ему назвать эту проклятую рощу рощей, как он забыл, что речь шла о тысячелетнем древнем лесе, площадь которого превышала территорию всего Государства Ните.

— По мнению подчиненного, следует отправить на поиски Чу Чжэна, — Лин И опустил голову еще ниже, заметив у своего господина признаки надвигающейся бури.

Линь Цань замер, а сообразив лишь спустя мгновение, воскликнул:

— Чу Чжэн? Я чуть было не забыл о нем. Верно, разве они не братья? Кто знает, может, между ними сохранилась какая-то связь!

Лин И продолжил доклад:

— Согласно последним донесениям, в лесу был обнаружен тайный знак, указывающий на то, что в случае попадания в смертельную опасность помощи ждать не нужно. Судя по технике нанесения, его оставил Лин Эр. Подчиненный считает, что Чу Чжэн обладает острым умом, редким мастерством и невероятной силой воли, и если он возглавит отряд, то, возможно, сможет спасти молодого господина Чу. Только...

— Чего же мы ждем? — не дослушав Лин И, Линь Цань сорвался с места.

Только вот Лин И так и не успел сказать, что Чу Чжэн уже целый год томился в подземной темнице, куда не проникал солнечный свет, и где ему не с кем было молвить и словом; даже если он и сохранял рассудок благодаря железной воле, его тело без солнца должно было крайне ослабнуть, да к тому же глаза... Линь Цань вспомнил об этом уже по дороге.

— Лин И, если выпустить Чу Чжэна прямо сейчас, сколько времени ему потребуется, чтобы полностью восстановиться? — спросил Линь Цань, шагая к заброшенному дворцу, где скрывался вход в подземную темницу, и чувствуя за спиной шаги неотступно следовавшего Лин И.

— Подчиненный не знает.

Линь Цань с досадой пнул одичалые сорняки, густо разросшиеся вдоль каменной дорожки.

— Впрочем, стойкость Чу Чжэна превосходит человеческую, быть может, он довольно быстро сможет отправиться в Древний лес Гуцан, — добавил про себя Лин И, мысленно пожелав: «Хочется в это верить».

Хотя Линь Цань не услышал мыслей Лин И, на душе у него тоже скребли кошки, и оставалось лишь ускорить шаг:

— Сначала пойдем взглянем!

Стражники, дежурившие у входа в тайную темницу, сверили с Лин И пароль и расступились.

— Хотя за этот год заключенный не видел света, его распорядок дня был предельно строгим — он словно чувствовал время: едва поев, он сразу принимался за тренировки, — рассказывал седой старик-слепец, ведавший повседневным хозяйством темницы. Сейчас он без умолку

описывал житье-бытье единственного узника.

Хотя старик был слеп, в этом полумраке он шагал куда увереннее Линь Цаня и его спутника.

Камера Чу Чжэна находилась в самом дальний углу. Линь Цань чувствовал себя неуютно в этом тесном пространстве, и под трепещущими языками пламени его лицо казалось расплывчатым.

Старик привычным движением закрепил факел в настенном пазу, наощупь отворил герметичную каменную дверь, за которой показалась вторая решетка, выкованная из чистейшего железа, и в нос тут же ударил отвратительный, удушливый запах.

— Старик, сейчас еще не время подавать еду, почему ты пришел? — раздался изнутри голос Чу Чжэна. Линь Цань и Лин И одновременно выдохнули с облегчением — судя по всему, рассудок заключенный не потерял.

— Этот старик вовсе не собирался ничего отвечать, господин! — испуганно принялся оправдываться старик.

По знаку Линь Цаня стражник увел старика прочь.

— Линь Цань. — Хоть Чу Чжэн не видел того, кто стоял снаружи, он сразу догадался, кто это.

— Чу Чжэн, — Линь Цань постарался привыкнуть к невыносимому запаху в коридоре, снял со стены факел и подошел к железной решетке.

При мерцающем свете факела, сквозь прутья решетки, Линь Цань увидел перед собой настоящие косматые чудовище.

<http://bllate.org/book/27863/3378430>